

ОБЩНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ: РАСПАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЁН?

В.Н. Ткаченко

Национальная академия педагогических наук Украины

Аннотация: В статье анализируются риски евроинтеграции Украины, приведшие, по мнению автора, к усложнению отношений с Россией и аннексии Крыма, а также наличный потенциал консолидации украинского гражданского общества.

Ключевые слова: цивилизационный выбор Украины, Россия, аннексия Крыма, распад связи времен, Евромайдан, «двойная периферия», федерализация, модернизация, социальное выталкивание, сепаратизм, национальная идентичность, выборы Президента Украины.

*Порвалась дней связующая нить
Как мне обрывки их соединить!
Шекспир. «Гамлет»
(пер. Бориса Пастернака)*

*Донбасс порожняка не гонит, не лезет первым на рожон.
Мы всю страну углем засыплем и, если надо, подожжем
Роман Минин*

Избирательная кампания Президента Украины 2014 года проходила в обстановке хаоса восточных областей и угрозы российского вмешательства. В таком восприятии действительности не было преувеличения. Логика событий подсказывала, что если Россия оказалась способной спровоцировать отделение Крыма, то почему бы ей не применить обкатанную уже модель к промышленным регионам востока страны?

Уже сегодня можно утверждать, что аннексия Крыма превращается в пограничную линию водораздела в истории украинско-российских отношений. Мы реально становимся свидетелями «распада связи времен» между Россией и Украиной, той связи, которая складывалась между людьми столетиями. Возникает угроза того, что большинство украинцев вскоре могут превратиться в недругов России как государства и, не приведи Господь, русских как этноса.

Свидетельство тому — сдвиги в общественном мнении после аннексии Крыма. Если еще в феврале 2013 года, согласно социологическому опросу Центра Разумкова, 85% украинцев засвидетельствовали свое хорошее отношение к России, то в конце апреля 2014 года уже

67,1% засвидетельствовали, что их отношение к Российской Федерации ухудшилось (2,3% — улучшилось, а в 21,7% отношение не изменилось). В региональном аспекте отношение ухудшилось в 91,8% жителей Запада, 82,4% — Центра, 56,3% — жителей Юга Украины [Отношение украинцев...2014]. Более драматично ситуация сложилась в Крыму: здесь идею дружественных взаимоотношений с Россией в марте 2014 года поддержало 88% респондентов.

До последнего времени речь пока что не шла о вспышке «антирусских» настроений в Украине, а лишь только об ухудшении отношения к реальной политике России. Согласно опросам от 9–16 апреля 2014 года 59% респондентов все еще считали, что Украина и Россия должны быть независимыми, однако дружественными странами, с открытыми границами и без виз. Только 4,8% высказались за объединение в одно государство; 5,1% вообще не ответили на вопрос об отношениях между нашими государствами [Почти 70% украинцев... 2014].

Однако, в этом пункте уже сказывается проблема асимметричности отношений между Украиной и Россией. Надолго ли у украинцев останутся надежды на «независимый, но дружественный» характер взаимоотношений между нашими государствами, когда в то же время, согласно данными российских опросов, «близко трех четвертей россиян готовы поддержать войну с Украиной, если ее начнет руководство России» [Ежедневный журнал... 2014]. Вот такая антиукраинская настроенность и вносит соответствующие коррективы в общественное мнение Украины.

В частности, по мере нагнетания обстановки на восточных рубежах Украины, в украинских туроператоров появилась новая проблема — «украинцы не хотят отдыхать на одних курортах с россиянами. Продавцы туров отмечают, что стычки между русскими и украинскими туристами на политической почве участились, часто доходит даже до драк». А ведь «раньше наличие русских в отеле волновало европейцев, а не украинцев» [Скибицкая 2014: 7] Что ж, приходится только констатировать — дожили!

Цивилизационный вызов

Было бы неправильно все беды Украины сваливать на войну и аннексию Крыма, хотя эти факторы и выступают катализаторами общественных процессов. Дело намного сложнее, и в то же время проще — речь идет о цивилизационном выборе страны, который пришелся на период водораздела времен.

Если вспомнить судьбоносный для Украины 1991 год, то тогда линия противостояния в обществе имела идеологический окрас борьбы коммунистов и либералов. Однако ныне пришли другие времена. Перелом XX и XXI веков в современном мире характерен отсутствием былого идеологического накала. Более того — в общественном сознании происходит замещение классических идеологий их гибридными суррогатами. Мир интегрируется, впитывая в себя разнообразные теоретические построения, часть которых то уходит на периферию идеологической борьбы, то вновь привлекается в качестве составного ингредиента какого-то нового мутантного идеологического гибрида. Ярким примером тому может быть плотный и, казалось бы, противоестественный тандем бывшей «пролетарской» Коммунистической партии Украины с олигархической Партией регионов.

То же происходит во всем мире — бывшие левые коммунистические и правые радикальные партии давно уже интегрированы если не в политические структуры, то в идеологическое поле многих развитых стран Запада. Взять хотя бы последние выборы в Европарламент. Они показали, что ультраправые и левацкие партии вошли в евроструктуры и стали, образно выражаясь, «одомашненными». Не потому ли Бжезинский и приходит к заключению, что главную угрозу нынешнему глобализированному миру представляет собой не одна из разновидностей утопического фанатизма (коммунизм, фашизм), как это было в XX веке, а внутренне присущая нашим дням турбулентная сложность самих социальных процессов?

Это, так сказать, взгляд трехлетней давности на поле противостояния с наблюдательной точки Запада, да еще и без учета политики нынешней России касательно Украины.

Вид с Востока, а в нашем случае — с Восточной Европы, значительно отличается. Нарастание «гроздей гнева» в среде носителей глобального политического пробуждения и отсутствие какого-то консолидированного понимания адекватных ответов на вызов времени со стороны мировой иерархии — все это создает угрозу скатывания к международному хаосу. В Украине такой беспорядок уже налицо. И вызван он, не в последнюю очередь тем, что Украина стала пограничем двух противостоящих цивилизаций: уже сложившейся Европейской, с одной стороны, и формирующейся Евразийской — с другой. То есть, главная черта уязвимости Украины — в ее роли «двойной периферии», когда Россия является «полупериферией» Европы, а Украина — «периферией» России. Это, увы, реальность сегодняшнего дня, та реальность, в которой живет Украина в уповании на евроинтеграцию, которая, возможно, позволит Украине впоследствии избавиться от униженной роли «двойной периферии». При этом мыслящие украинцы осознают, что в краткосрочной перспективе нам придется нелегко, скорее — трудно, а на улучшение мы можем надеяться в лучшем случае в среднесрочной перспективе. Даже, вероятнее всего, реально это может произойти лишь в перспективе долгосрочной. И российский фактор в этом процессе будет играть далеко не последнюю сдерживающую роль.

Обратимся хотя бы к прогнозам З. Бжезинского: «судьба России в дальнейшем не имеет в виду контроля над «половиной мира». Скорее, вопрос стоит таким образом — как ей пережить свою внутреннюю стагнацию и депопуляцию в контексте нарастающего Востока и более богатого (даже если он пребывает в состоянии растерянности и сомнений) Запада. И именно поэтому *западная политика, направленная на поддержку более тесных связей Украины с ЕС является необходимой предпосылкой и стимулом для обеспечения в конечном итоге более тесного сближения России с Западом. Это может не состояться при президенте Путине, но внутренние предпосылки для демократической эволюции в России нарастают и, с моей точки зрения, в конечном итоге перевесят* [Выступление Збигнева Бжезинского... 2011].

Сравнивая эти прогнозы Бжезинского трехгодичной давности с нынешними событиями в южных и восточных областях Украины, невольно задаешься рядом вопросов. Первый из них: учитывали ли западные аналитики, что Россия не станет дожидаться установления более тесных связей Украины с ЕС? Более того, что РФ будет делать все, дабы не допустить их реализации и не создать тем самым «внутренние предпосылки для демократической эволюции в России»? А были ли произведены хоть какие-то расчеты на предмет того, выдержит ли украинское общество то напряжение, которое связано с ролью своеобразного приводного ремня, призванного стать «*необходимой предпосылкой и стимулом для обеспечения в конечном итоге более тесного сближения и России с Западом*»? Были ли предусмотрены какие-то гарантии для недопущения аннексии Россией украинских территорий — того же самого Крыма? Осмысливались ли на Западе какие-то меры для выполнения гарантий Будапештского меморандума 1994 года? А ведь от этого зависит, выживет ли Украина вообще в те два-три десятилетия, во время которых З. Бжезинский и другие западные стратеги уповают на реализацию перспективы демократизации России. Как бы в краткосрочной перспективе Украине не пришлось изведать на себе правоту старой поговорки: «покамест травка подрастет, лошадка с голоду умрет».

А тем временем логика развивающихся событий не оставляет Украине какого-то зримого сегмента для маневра. С одной стороны — плохо прикрытая интервенция России с угрозой полной потери Украиной национального суверенитета, а с другой — суровая необходимость принятия правил игры ныне действующей глобализированной капиталистической мир-системы.

А правила игры, откровенно говоря, не скучны, и даже весьма напряженные. Сперва-наперво приходится учитывать растущее социальное расслоение капиталистической мир-системы, когда представители наиболее обеспеченных слоев населения даже в развитых странах центра все больше отрываются от среднего класса. Приходится принимать во внимание и то, что если в странах «золотого миллиарда» удельный вес полученных населением благ оказался относительно заниженным, то в странах мировой периферии он стал просто мизерным. То есть, не особенно уповая на «манну небесную», мы должны осознать, что пропасть между теми, кому достаются плоды цивилизации, и всеми другими, в нынешнем мире продолжает углубляться. Причем как в масштабах отдельных государств, так и в международном масштабе. А так называемый «чистый рынок» является далеко не во всем совершенным механизмом, порождающим опасную для общества дифференциацию доходов и монополизацию экономики.

Да, было время, отмечает профессор А. Гальчинский, когда система активного государственного регулирования уберегла общество не только от чрезмерной дифференциации доходов, но и от проникновения духа рыночной психологии в сферу культуры, социального развития, частично и в политику. Однако ныне, «на интернациональном уровне эти противовесы... не только не действуют по объективным причинам, но и сознательно отрицаются: вся существующая институциональная система мировых экономических отношений — механизмы МВФ, Мирового банка, СОТ и др. действуют на основе принципов либерализма, которые адекватны логике классического (ничем не ограниченного) рынка, и таким образом, реализуются в режиме рыночного фундаментализма» [Гальчинский 2006: 251].

В итоге, мы должны осознать суровую реальность — практическая деятельность широкой сети нынешних международных финансовых институтов направлена в первую очередь на обслуживание интересов ядра капиталистической мир-системы. Именно отсюда проистекает и всяческое приспособление производственного, финансового и интеллектуального потенциала стран «периферийной» зоны, в том числе и Украины, к потребностям «центра» этой мир-системы. А потому именно отсюда проистекают и реальные, и возможные риски. Как отмечает М. Кастельс, с одной стороны, глобальная экономика будет все время расширяться, сканируя при помощи информационных сетей всю планету в поиске новых возможностей получения прибыли. Однако, с другой стороны, «она будет это делать избирательно, соединяя значимые сегменты и пренебрегая местностями и людьми, которые уже исчерпали свой потенциал или не представляют, на данный момент, никакого интереса... *Планета сегментируется на отчетливо различимые пространства, определенные различными временными режимами* (курсив наш. — Авт.) [Кастельс 2000].

То есть, рано или поздно каждый регион мира ощутит на своей повседневной жизни тот факт, исчерпала ли эта местность свой потенциал и представляет ли ее население какой-то интерес в роли производителей и потребителей для международных транснациональных компаний. Если инвестиции в этот регион не поступают и такое не предвидится, то его население в лучшем случае может превратиться в своеобразную резервацию, где эти люди будут обречены на самопрокорм. Взять хотя бы за пример печальную судьбу Сомали.

Невольно возникает вопрос: не в этом ли кроется одна (хотя и далеко не единственная) причина всех имеющихся беспорядков и экстремизма в Донецкой и Луганской областях, пребывающих ныне на уровне третьего технологического цикла восьмидесятилетней давности с устаревшим еще советским оборудованием добывающей угольной промышленности? Эта нерентабельная отрасль в принципе не интересует современный мировой капитал. На наш взгляд, здесь срабатывает именно *фактор временного разрыва* — как в свое время ушла в небытие слава и удельный вес немецкого Рура, английского Уэльса или американского Детройта, так и в Украине уходит былой престиж и значимость устаревших и уже вечно вчерашних технологий Донбасса. Его люди и ресурсы в нынешнем виде не привлекательны для зарубежных инвестиций и убыточны для отечественной экономики. Не в последнюю очередь именно

поэтому нынешний губернатор Сергей Тарута «публично развеял миф о том, что Донбасс кормит Украину, и, оперируя данными статистики, признал дотационность региона» [Полищук 2014: 34].

Понятное дело, что население этого региона и не хочет мириться со своим положением. Однако, судя по общественным процессам, описанным М. Кастельсом, в современной капиталистической мир-системе *регион Донбасса, если не прибегнуть к его глубокой реформе и коренной модернизации, обречен на выбор одного из двух курсов*. Первый — дрейфовать в глобальную криминальную экономику, которая все более становится фундаментальной чертой XXI века: «Ее экономическое, политическое и культурное влияние будет проникать во все сферы жизни. Уничтожить это явление будет невозможно, разве что удастся ограничить его к допустимым размерам» [Кастельс 2000]. И мы видим, как это все уже реально происходит в форме нелегальных «копанок» или вполне устоявшейся практики перераспределения государственных дотаций, львиная доля которых не доходит до шахтеров, а оседает в карманах олигархов и бюрократии.

Второй курс тоже уже вполне узнаваемый в современном мире — это взрыв идеологического фундаментализма. Он представляет собой реакцию на социальную отторгнутость. Как это происходит во всем мире, лидеры фундаменталистских движений «берут Коран, Библию или какой-то другой священный текст для интерпретации и использования его как флага своего отчаяния и оружия своего гнева» [там же]. Подобного рода идеологические фундаментализмы, которые происходят из различных источников, представляют собой наиболее бескомпромиссный вызов экономическому фундаментализму современного глобального капитализма с его лозунгом: «Бабло решает все!».

А ведь этот стиль жизни рыночного фундаментализма могут принять далеко не все. И потому, играя на обострившихся протестных чувствах, расплодилось целая плеяда новейших политических «попов Гапонов» — своеобразных политических кураторов глубинки. Именно они обеспечивают обездоленный контингент депрессивных районов Донбасса экспортными заготовками идеологии православного фундаментализма в форме «Святой Руси» и «Русского мира». Не понимая сущности происходящего в стране и мире, значительная часть населения депрессивных районов или замыкается в повседневных заботах, выплескивая час от часу энергию в бытовое насилие, или мобилизуется в массовые протестные акции против «Иных», пришедших из «других» регионов, и якобы зловредно разрушающих их традиционную и давно устоявшуюся жизнь.

А тем временем новая эпоха стала предъявлять человеку требования, предполагающие работу в условиях риска и неопределенности. Кто не принимал этих требований, был обречен на маргинализацию и скромное доживание на ярком фоне бурлящей ярмарки тщеславия. К первому кто-то оказался неспособен, а второе представлялось другим вопиюще несправедливым.

На этой почве и начал обнаруживаться консенсус между определенными категориями населения, как Украины, так и России. Объединяющим их началом стала ностальгия по советскому прошлому, с его всё объединяющей уравниловкой. При этом в Украине не все учитывали, что ностальгия в России может быть только великодержавной. А именно этот комплекс великодержавия и стал включать в себя не только устойчивые рефлексии и привычные стереотипы в позиционировании России на международном пространстве, но и надежду на стабилизацию общественной жизни в форме хотя и скудного, но гарантированного «модус вивенди» с надеждой на возможное улучшение в каком-то отдаленном будущем. В итоге «распад имперского государства не был отрефлексирован, не был адекватно проработан общественным сознанием. В России не нашлось ответственной политической силы, которая отважилась бы заявить, что с точки зрения самосохранения и воспроизводства русского народа распад СССР явился самой крупной удачей за последние полвека» [Яковенко 2005].

Для определенной части украинцев новая геополитическая реальность — государство Украина — тоже никаким образом не вписывалось как нечто суверенное, а лишь как часть «русского мира». В политических кругах обоих государств обнаружилось влиятельные политические силы, которые стали подпитывать и использовать ностальгические настроения — скорее даже не в политических, а своекорыстных целях. Нельзя сказать, что это люди политически неменяемые, которые, дескать, не осознают катастрофичность любых форм реставрации. Однако, видимо жажда власти и денег превалировала в их сознании — «после нас, хоть трава не расти». И здесь Украине нечего обольщаться: «Как это веками происходило в России, власть делает ставку не на наиболее продвинутых, модернизируемых и адекватных стремительно развивающейся реальности, а на самых традиционализированных, обращенных во вчерашний день. Таков идейный и социально-психологический контекст, в рамках которого современное российское общество осознает феномен украинской государственности» [там же].

Стоит ли удивляться, что при таком подходе, идея «общности исторической судьбы» Украины и России приобретает самые причудливые формы. Поэтому, в конечном счете, все зависит от самой Украины, от того, насколько вызрели и вросли в социальную жизнь страны, в политическую культуру нации идеи независимости, демократии и прав человека.

Конечно, с точки зрения науки, сама по себе империя ни хороша и ни плоха. В контексте исторического процесса ее следует оценивать, как один из способов интеграции больших пространств. Уже начиная с эпохи Ивана Грозного, имперская идея вдохновляла элиту Московского княжества на создание великой державы. Далее в течение четырех столетий все составные российского общества, с одной стороны, получали блага от существования империи, хотя, с другой стороны, несли и соответствующие тяготы, в том числе и украинцы.

Нет сомнения, что для многих «рожденных в СССР», его распад знаменовал тот непреложный факт, что имперская идея исчерпала себя. Однако, далеко не для всех. Что касается людей традиционного склада мышления, образ жизни которых сложился в рамках имперского бытия, их система мировидения и мироощущения воспринимались как нечто устойчивое, вечное и неизменное. И, конечно же, с этих позиций распад империи воспринимался ими как случайность, противоестественное течение событий, результат заговора враждебных сил, нашедших себе опору в лице «агентов влияния» внутри «нашего» общества. Конечно, этот среднестатистический советский человек что-то слышал на уроках истории, смотрел кинофильмы о петлюровцах и бандеровцах, а потому к твердым в своей национальной идентичности украинцам у него были свои счеты: якобы сохраняя свою идентичность, украинцы «обнаруживали злокозненное упрство в глупом заблуждении» [там же].

Стоит ли удивляться, что и поныне из 1600 человек опрошенных Левада-Центром в 45 регионах РФ 44% полагают, что людей на акции протеста в Украине выводит «влияние Запада», 35% — «националистические настроения», и лишь только 8% — «стремление сделать Украину такой же цивилизованной страной, как и другие страны Европы», а еще 7% — «чувство гражданского достоинства» [Третью россиян считает... 2013]. Киевский Евромайдан дал, казалось бы, однозначный ответ со стороны украинского народа на разнообразные украинофобские измышления. Беда лишь в том, что разнообразные «украинские этюды» в российских СМИ о какой-то «диктатуре бандеровщины», мешают адекватному восприятию русским читателем процессов, происходящих в Украине. И эта пропаганда, к сожалению, часто достигает своей цели: по итогам социологических опросов Левада-Центра, 84% россиян расценивали акции протеста в Киеве как попытку государственного переворота, и лишь 4% восприняли происходящее на Майдане как «мирный протест» [Опрос: Россияне считают... 2014].

Что это — простодушное доверие к писаниям политтехнологов, или же все намного серьезней? Скорее и то, и другое, но инерция имперского стереотипа «общности исторической судьбы» Украины и России, которую, дескать, пытаются разрушить вражеские силы, внушает

все же большую настороженность. Это еще одно свидетельство того, что имперское сознание вошло в плоть и кровь постсоветского пространства, пронизало собой все уровни общественного сознания, отпечаталось на массовой психологии.

Конечно, было бы некорректно строить изложение материала лишь на противопоставлении Украины и России согласно модели: «МЫ — ОНИ». Хотя и этот момент всегда неизбежно присутствует в определении национальной идентичности того или другого социума. Однако факт остается фактом: между нашими народами и странами так много общего, что нет нужды даже ссылаться на избитые стереотипы об «общей православной Днепровской купели», или же о Киеве как «матери городов русских». Кстати, в летописях речь идет о городах «руських» (от Руси), а не «русских» (от России). А реальная общность исторической судьбы — вот она! Достаточно оглянуться вокруг на цветочки и ягодки «дикого капитализма» в обеих странах, чтобы убедиться: не может быть простой случайностью разительное совпадение в годы независимости всех этих коррупционных скандалов, наглого дележа госсобственности и передела частной собственности, рейдерских наездов, заказных убийств и таких же заказных расследований. За подобными совпадениями незримо стоит общность ментальных установок, устоявшейся практики и пропагандистских клише, унаследованных от имперского прошлого. И его необходимо преодолеть на пути построения современного демократического национального государства.

Региональный тренд

Перед Украиной во весь рост стала проблема найти оптимальную модель объединения двух общественных процессов — проведения модернизации и обеспечения социальной интеграции украинцев как политической нации, осознающей общность исторической судьбы. То есть, в полной мере стать современным государством с надлежащим уровнем безопасности. Имеются ли какие-то обнадеживающие тенденции и зримые перспективы в этом направлении?

Итак, актуализация проблемы безопасности Украины во весь рост ставит вопрос: что же мешает гражданам Украины «научиться жить вместе»? Конечно же, не в последнюю очередь, массированная информационная война, невиданно обострившаяся в ходе последних событий вокруг аннексии Крыма. На авансцене общественной жизни Украины появилось мародерствующее племя циничных политтехнологов, пытающихся «кроить из блохи голенище» (В. Шукшин). Уводя общественное мнение от противоречия между трудом и капиталом, между современным инновационным «самоорганизованным» трудом и устаревшим «родовым» трудом индустриального конвейерного производства, они подхватывают старую песню о каком-то «цивилизационном расколе» Украины, который должен неминуемо поразить это якобы «искусственно созданное лоскутное государство». Разнообразные специалисты по кризисному управлению Украиной оглашают как непреложную истину, что раскол в Украине — это свершившийся факт, потому что, мол, никогда ментальность людей из Донца не совпала и не совпадет с ментальностью львовян. Что уже говорить о Крыме, который, дескать, в 1954 году был просто подарен Хрущевым Украине (это отдельный вопрос, который касается целой череды территориальных изменений между Украиной и Россией в годы советской власти, в частности, приращение территорий Курской, Воронежской и Ростовской областей за счет земель, раньше входивших в состав Украины).

В обозначенном контексте вопрос об общности исторической судьбы украинского народа как «граждан Украины всех национальностей» (преамбула Конституции Украины) приобретает особую актуальность и остроту. Даже с поправкой на навязанное нам с имперских времен (и присущее до сегодняшнего дня) понимание толерантности как терпимости, доходящей в практической жизни Украины вплоть до грани самоуничтожения. Действительно, в период стабильного развития к идее «раскола Украины» общественное мнение, как правило, относи-

лось довольно снисходительно — как к одному из экзотических сценариев кучки политехнологов, желающих дешево пропиарить себя и приобрести пусть и скандальное паблисити. Однако в период системного кризиса, когда в обширных регионах Украины зримо происходит захват административных зданий, а в средствах массовой информации рефреном зазвучала идея утраты страной территориальной целостности — большинство людей такие прогнозы пугают, пусть они и излагаются в «цивилизованных» обертках якобы необходимой федерализации страны.

Впрочем, каждая проблема имеет свою историю. Так и идея федерализма в Украине далеко не нова. Не усматривая сто с лишним лет назад ближайшей перспективы отделения от России, многие украинские общественно-политические деятели конца XIX — начала XX века видели выход для своего народа в федерализации России и в дальнейшем постепенном наращивании потенциала украинского возрождения в рамках существующего государства. Общеизвестно, что в первом Универсале Центральной Рады от 10 (23) июня 1917 года был заложен тезис о неотделимости Украины от России, а провозглашалась лишь ее автономия. Украинцы были не одиноки в оценке недостаточно вызревшего потенциала своей независимости — подобные настроения царили и среди других национальностей России, даже среди части поляков и финнов. Поэтому на съезде народов и областей России, который был созван в Киеве 8–15 сентября 1917 года по инициативе Центральной Рады в составе 86 делегаций различных регионов бывшей Российской империи, была принята резолюция «О федеративном устройстве Российской державы». В ней речь шла лишь о необходимости отказа от чрезмерной централизации законодательной и исполнительной власти России и целесообразности перехода к федеративному обустройству государства. Кроме того, съезд выступил против русификации народов бывшей Российской империи, за их право на родной язык, широкое развитие национальных культур. Русский язык при этом признавался общегосударственным, а на местах предусматривался принцип добровольности установления того или другого языка.

От идеи федерализма Центральная Рада отказалась лишь с принятием 9(22) января 1918 года IV Универсала, который провозглашал самостоятельность и независимость Украинской Народной Республики. Вернее — вопрос о федеративных связях с республиками бывшей Российской империи был оставлен на последующее рассмотрение Украинским учредительным собранием. На повестку дня были вынесены вопросы, не терпящие отлагательств: Универсал назначал перевыборы местных органов власти; устанавливал сроки передачи социализированной земли — к началу весенних работ; провозгласил государственный контроль над банками и важнейшими отраслями торговли; обязал Раду Народных Министров немедленно приступить к модернизации промышленности. Однако, при этом было провозглашено о полном роспуске армии и организации вместо нее народной милиции. Последнее решение оказалось фатальным — 29 апреля 1918 года власть Центральной Рады была низвергнута, и в Украине был установлен режим гетмана П. Скоропадского. В конце концов, дело дошло до победы большевиков и образования СССР, в пределах которого Украина приобрела статус «всесоюзной кочегарки» (В. Ленин).

После провозглашения независимости Украины в 1991 году идея федерализации Украины неожиданно всплыла, когда лидер Народного Руха Украины Вячеслав Черновол инициировал созыв так называемой Галицкой ассамблеи. Хотя эта ассамблея и послужила одним из катализаторов украинской независимости, она же впоследствии и дала повод для обвинений Черновола в сепаратизме. В конечном итоге, с принятием в 1996 году новой Конституции, Украина утвердилась как независимое унитарное государство. В период президента Леонида Кучмы вопрос о федерализме, казалось бы, был снят навсегда.

Однако, в период «оранжевой революции» 2004 года инициаторы федерализации уже появились на востоке страны. В частности, Луганский облсовет предложил создать Юго-Восточную Украинскую Автономную Республику (ЮВУАР) и обратился за поддержкой к Москве. Кроме того, участники съезда Партии регионов в Северодонецке решили поставить этот

вопрос на референдум. На ситуацию надо было как-то реагировать. По итогам северодонецких инициатив было возбуждено уголовное дело, которое, впрочем, впоследствии было закрыто. Накал страстей поутих, хотя и поднимался впоследствии некоторыми депутатами в виде законопроекта о децентрализации власти [Так не доставайся ж ты... 2014].

Глобальный кризис капиталистической мир-системы, приобретший в Украине форму системного кризиса, снова вынес на повестку дня тезис о «разделе Украины». Главным образом он стал прерогативой целого сонма разнообразных «экспертов» на страницах Интернета, вплоть до астрологических прогнозов небезызвестного Павла Глобы. Казалось бы, этими писаниями можно было бы и пренебречь, если бы они не оказывали влияния на формирование неадекватного восприятия реалий украинской жизни в общественном сознании. В частности, представители «восточного лагеря политтехнологов» прибегли к своим излюбленным экономическим аргументам, которые якобы неопровержимо свидетельствовали о том, что восточные области — Днепропетровская, Донецкая, Запорожская, Луганская и Харьковская — всегда были и остаются регионами-донорами бюджета. А Галичина и все прочие «западенцы», дескать, всегда были и остаются иждивенцами на государственной дотации. То есть, обществу навязывалось мнение, что пока представители западных областей Украины организуют всевозможные демонстрации и бастуют, то в это же время жители восточных областей Украины работают и кормят всю страну.

Однако взвешенный анализ показывает, что это утверждение ныне далеко от истины. Уходя от оценок украинских экспертов, которых при желании кто-то мог бы обвинить в политической ангажированности, обратимся к независимому анализу известного российского экономиста Андрея Илларионова. Проанализировав региональную структуру распределения населения и экономической активности в современной Украине, он пришел к выводу, что в последние два десятилетия между макрорегионами Украины (Запад и Центр в сравнении с Востоком и Югом) произошли весьма серьезные, можно даже сказать, тектонические сдвиги.

Это видно, прежде всего, по динамике Валового регионального продукта (ВРП). Так, за его словами, «за 17 лет кумулятивный экономический рост на Западе и в Центре был почти вдвое более быстрым (прирост ВРП на 60,7%), чем на Востоке и Юге (на 35,2%). Прирост производительности труда на Западе и в Центре также был более высоким, чем на Востоке и Юге, так что относительные уровни производительности труда (относительно среднего уровня по Украине) поменялись на противоположные. Если еще в 1995 г. Восток и Юг имели более высокий показатель ВРП на душу населения, чем Запад и Центр (101,6% против 98,5%), то в 2012 г. уже Запад и Центр заметно опережали по этому показателю Восток и Юг (на 9,1%, 104,3% против 95,2%). Изменение соотношений в межрегиональных уровнях доходов на душу населения происходили в том же направлении, однако с заметным запаздыванием по времени и масштабам. Опережение Запада и Центра над Востоком и Югом является минимальным (на 2%). Таким образом, можно сказать, что в настоящее время перераспределение финансовых потоков идет, похоже, с Запада и Центра в пользу Востока и Юга. Тем не менее, изменения демографической макроструктуры Украины соответствуют изменениям в структуре экономической активности. Если в 1992 г. на Западе и в Центре проживало 51,4% всего населения страны, то в 2012 г. этот показатель увеличился до 52,9%» [У Корзуна... 2014].

Данные украинских СМИ подтверждают эту тенденцию. К примеру, Донецкая область за первые полгода 2013-го получила из госбюджета больше, чем ему отдала. Обогнал ее в этом только Киев. В то же время Львовская область перечислила в госбюджет на 356 миллионов гривен (80 миллионов долларов) больше, чем получила от него. На одного донетчанина на шесть месяцев прошлого года пришлось 2 126 гривен, перечисленных области из госбюджета, а на каждого львовянина — 140 гривен. В бюджете 2014 года на поддержку шахт в Донбассе опять предусмотрено около 16 млрд. грн., да и восстановление инфраструктуры (дороги, объекты ЖКХ) также происходит за счет госбюджета. Без поддержки центра Донбассу пришлось бы очень туго. В итоге, как подсчитали журналисты, реальных «кормильцев»

в Украине осталось только три — Харьковская, Днепропетровская и Полтавская области. При этом последнюю область в привычном понимании уж никак нельзя было отнести к «востоку» страны [Звездный десант...2014: 18].

Приведенные данные в какой-то степени отражают и объясняют тот политический сдвиг, который произошел в Украине после «крещенского противостояния» 19 января 2014 года, когда «Правый сектор», проигнорировав предостережения лидеров мирного Евромайдана, перешел к силовому противостоянию с бойцами «Беркута». Эти события, судя по всему, напрямую были связаны и с захватом зданий областных администраций во Львове, Ровно, Ивано-Франковске и в Тернополе, а также последовавшими за ними событиями на Волыни, в Черновцах, на Полтавщине и в Черкасах. Некоторые политологи тут же дали оценку этим акциям: их следует рассматривать не как свершившийся сепаратизм, «но как возможное начало процесса, который может окончиться переустройством Украины по типу конфедерации или федерации» [Так не доставайся ж ты... 2014].

Случилось так, что в головах доморощенных идеологов так называемых Луганской и Донецкой «республик» возобладало восприятие феномена Евромайдана не как «антикриминальной революции», а как рейдерской атаки по захвату государственной собственности и переделу активов конкурентов. В своих интервью на российских телеканалах они трактуют события таким образом, что, дескать, «киевская хунта» захватила контроль над Западом и Центром Украины, Игорь Коломойский — над частью Центра и Югом, а мы, дескать, над Востоком страны. Однако против нас почему-то бросили силовиков, с нами не хотят договариваться, нас убивают. Создается такое впечатление, что речь идет не о целостности государства, а о необходимости «забить стрелку» и решить вопрос об огромных залежах Юзовского месторождения сланцевого газа, запасы которого могут достигать нескольких триллионов кубических метров.

В создавшихся условиях ажиотажа вокруг «большого передела» все разговоры о статусе русского языка выглядят просто нелепыми. А ведь речь никогда не шла о запрете русского языка, а лишь о необходимости пользоваться государственным языком в государственных учреждениях. Эта практика доминирует во всех странах мира, а потому вызывает лишь сожаления те 6,5% населения, которые, согласно социологическим опросам, демонстративно выступают против обязательного знания украинского языка.

Казалось бы, нет никаких причин ставить под сомнение «общность исторической судьбы» Украины, если только не ставить во главу угла передел собственности. Но именно последний фактор и толкает особо алчных «приватизаторов» пойти на риск государственного распада, и этот риск, хотя и незначительный, все же постоянно присутствует и вносит беспокойство в ряды украинского бизнеса. Так, за территориальное единство на пути евроинтеграции выступил ряд украинских олигархов. В интервью от 13 декабря Ринат Ахметов, в частности, призвал политиков сесть за стол переговоров, дабы не допустить возможного раскола страны: «Я убежден, что сейчас, в сложный момент для нашей страны, очень важно иметь холодные головы и взвешенный подход. Одним словом, должен победить здравый смысл. Я — за сильную, независимую и целостную Украину. Мы — одна страна, и ее делить не нужно. Я — за стол переговоров. Чтобы политики, власть, оппозиция, моральные лидеры страны сели за стол переговоров и приняли то решение, которым мы будем гордиться. Повторюсь, гордиться, а не стыдиться. То решение, от которого выиграет Украина и каждый украинец как в краткосрочной, среднесрочной, так и долгосрочной перспективе. Этот стол я бы назвал столом мира, компромисса и будущего нашей страны. И пусть за этим столом политики потеряют свои рейтинги. Но самое главное, чтобы рейтинг Украины пошел вверх» [Главный олигарх Украины... 2013].

Такая постановка вопроса соответствовала злобе дня. Национальная идентичность Украины — центральный вопрос, которым была пропитана вся атмосфера Майдана. Этот вопрос постоянно присутствовал в ситуации конфликта, и еще долго будет присутствовать за

всеми последующими событийными перипетиями. Вопрос стоит даже шире: ныне идет глубинный поиск цивилизационной идентичности «проекта будущего» перед вызовом все более глобализирующегося мира. Но вразумительного ответа на этот вызов пока нет, да и вряд ли он будет предложен кем-то со стороны. Этот путь Украина будет искать для себя сама.

Тренд национальной идентичности

В социальных науках стало общим местом положение, что национальная идея не может быть воплощена в каком-то документе или законе, а является «ежедневным плебисцитом» в плоскости кардинальных вопросов национальной идентичности: «позади — наследие славы и раскаяние, впереди — общая программа действия» (Э. Ренан). Ежедневный плебисцит — это постоянное обсуждение страной своих проблем и перспектив. Долгое время в Украине вместо общественного диалога практиковалась парочка политических ток-шоу, где специально отобранные политики спорили друг с другом с перерывом на рекламу. Временами это зрелище было просто захватывающим, но гнусным по существу — оно не имело никакого отношения к диалогу власти и народа. Этот эрзац призван был растлить процесс формирования политической нации и подвести к выводу о несостоявшемся украинском государстве. Дескать, что можно говорить о народе, который не то что не имеет общей программы действий, но даже и не представляет себе, какой она должна быть? А эти ток-шоу наглядно иллюстрировали бессмысленность политической трескотни.

Евромайдан перечеркнул эти домыслы в главном: гражданское общество показало, что оно переросло своих политиков — как представителей власти, так и некоторых «наказных атаманов» реестровой оппозиции. Не преуспев в процессе выработки «идентичности проекта будущего» — это еще предстоит сделать новым лидерам страны — гражданское общество берегло и приумножало тот морально-нравственный императив, который так удивлял зарубежных представителей СМИ. Обывателю, как доморощенному, так и европейскому, стало ясно, что за сотню долларов люди не пошли бы через пламя пылающих шин на смерть от пули наемных снайперов. Они шли отстаивать свою честь и достоинство. Именно поэтому сейчас их и пытаются ошельмовать, навешивая ярлыки «бандеровцев» и «фашистов». Именно поэтому на востоке и юге Украины не утихает война национальных флагов, когда украинские символы государственности силовыми методами меняют на символы соседнего государства и при этом жалуются, что Киев их «не слышит».

А тем временем национальные символы для украинцев в процессе становления как «идентичности сопротивления», так и «идентичности проекта будущего» играют первостепеннейшую роль. Свидетельство этому — драматические события Евромайдана, когда ежедневно, а особенно в минуты силовых штурмов спецназовцев люди погибали под пение национального гимна. И это была не телевизионная картинка — на карту была поставлена жизнь своя, детей и их будущего.

Что нам скажет на этот счет социологический опрос, проведенный наиболее авторитетным в Украине Центром Разумкова в 2012 году, когда мы еще утешали свою душу обстановкой «стабильности»? На поставленный вопрос — «Как Вы относитесь к наведенным атрибутам независимого украинского государства?» — ответы «горжусь» или «отношусь положительно» были следующие (в порядке очередности): (1) флаг Украины — 37,9% и 56,2%; (2) Герб Украины — 29,9% и 57,6%; (3) Гимн Украины — 30,1% и 52,2%; (4) Украинская гривна — 22,8% и 67%; (5) Государственный украинский язык — 35,8% и 54,7%. То есть, для свыше 90% украинских граждан национальные символы были или предметом гордости, или же к ним относились положительно. Не является ли это свидетельством видения украинской государственности как «своей» в идеале. Далеком, впрочем, от будничной реальности, когда в общественном мнении требовательность к государству на пути евроинтеграции постоянно

возрастает, а социальная политика государства все чаще подвергается острой критике со стороны нарождающегося гражданского общества [Опитування: Як Ви... 2012].

Ориентируясь на построение социально ответственного государства европейского типа, украинцы довольно трезво и взвешенно оценивают свои шансы и перспективы на пути евроинтеграции из-за массы нерешенных социально-экономических и политических проблем. Снова обратимся к социологическим опросам. На вопрос — «Является ли Украина европейским государством?» — утвердительно ответили «да»: 76,6% — «в географическом смысле»; 58,3% — «в историческом»; 41,9% — «в культурном»; 23,6% — «в политическом»; 17,1% — «в социальном»; 12,7% — «в экономическом». То есть, население Украины отчетливо понимает, что для достижения социально-экономических, политических и культурных параметров, присущих современной Европе, нашей стране придется приложить немало сил и старания [Опитування: Чи є Україна... 2012].

Тем не менее, нельзя не отметить и то, что и «оранжевая революция» 2004–2005, и Евромайдан 2013–2014 годов послужили большим толчком к преодолению имперского прошлого, к переориентации на евроинтеграцию. Процесс этот еще предстоит осмыслить, но пока, лишь для иллюстрации (хотя на этом кто-то и попытается спекулировать), узнаваемым образом этого процесса преодоления прошлого может послужить хотя бы массовый демонтаж памятников Ленину. Конечно, все эти памятники (как и их демонтаж) всего лишь миф, но за этим мифом стоит такое весомое понятие как сплочение народа вокруг какого-то определенного символа. Евромайдан показал, что сегодня таким символом является не Ленин, а национальный гимн и флаг, а также флаг Европейского Союза. Причем европейская символика вывешивалась не вместо украинской, а рядом с ней, чего мы не видим в Донбассе, где украинская символика грубо попирается, сжигается, а на ее место водружается символика другого государства. И значение этих тревожных событий принципиально отличное: с одной стороны — ожидание перемен, а с другой — возвращение имперского прошлого на круги своя. Ведь под различной символикой собрались люди не для решения сугубо идеологических, а прежде всего своих насущных жизненных вопросов.

Мы уверены, что и российскому читателю несложно вникнуть в сущность этих вопросов. Социологические опросы последних лет показывали, что и украинцев, и россиян, волновали, прежде всего, одни и те же социально-экономические проблемы. Наиболее важные из них — экономические. Однако, для украинцев эти проблемы были намного острее: разрыв составлял практически 30%: на них акцентировало внимание 78% украинцев и 48% россиян. Острота экономических вопросов стала определяться уже в первые годы президентства Януковича. Если в марте 2010 года сразу же после президентских выборов 46% украинцев надеялись, что их благосостояние будет улучшаться, то уже в декабре пошла полоса разочарований — цифра ожиданий сократилась до 16%. Показательно, что в разрезе регионов показатели разочарований практически не отличались: ухудшения своего положения ожидали 26% жителей запада-центра и 24% жителей юго-востока. [ІФАК: Матеріальні проблеми... 2011].

Два года спустя ситуация не улучшилась. Летом 2012 года абсолютное большинство опрошенных (78,%) были уверены, что в Украине отсутствует равенство граждан перед законом, и лишь 14% все еще верили, что это равенство существует «в основном», а 3% даже были уверены «в полном равенстве». Впереди списка назревших проблем были: преодоление безработицы (59,3%), преодоление кризиса в экономике, экономический рост (51,8%), повышение общего уровня зарплат, пенсий, стипендий (51,5%), снижение цен на продукты и товары первой необходимости (43,3%) и т. д. (респонденты могли выбрать 10 наиболее значимых для них проблем). А вот идеологические вопросы были смещены в самый конец списка актуальных проблем. Так, если в 2004 году статус русского языка интересовал 8,9% граждан, то в 2012 — 3,9%. При этом в списке из 33 вопросов этот показатель оказался на 31 месте. Самыми незначимыми проблемами в списке оказались: «преодоление конфликта религи-

озных конфессий» (3,1%) и «вступление Украины в НАТО» (2,9%) [Статус русского языка... 2014].

В мае 2013 года обнажился еще ряд первостепенных проблем. По сравнению с сентябрем 2012 года, наиболее ощутимо выросло количество опрошенных, которые среди основных проблем страны выделили: коррупцию в государственных органах (с 37 до 51%); низкий уровень производства (с 40 до 45%); некомпетентность правительства (с 13 до 22%); а также политическую нестабильность (с 16 до 21%) [Некомпетентность правительства... 2014].

Консолидация общества вокруг необходимости решения основных экономических и политико-правовых проблем современной Украины поставила в затруднительное положение те правящие группы, которые привыкли приумножать свои богатства и властные полномочия, прибегая к известной практике «разделяй и властвуй». Диапазон маневрирования для них значительно сократился: и они попытались выискать линии общественного противостояния в гуманитарной сфере — играя на существующих отличиях отдельных регионов в сфере культуры, языка и исторического наследия. И к тому были определенные предпосылки в состоянии общественного мнения и на них политтехнологи решили сыграть, разжигая отличия до уровня противостояния.

На опасность подобных манипуляций обращали внимание эксперты Центра Разумкова, стараясь вместе с тем дезавуировать их. Так, летом 2007 года они сформулировали постановку вопроса кардинально, можно даже сказать — с некоторым элементом провокации для получения более контрастного, а не размытого ответа. Звучал он следующим образом: «Некоторые политологи и публицисты утверждают, что отличия культуры, языка, исторического наследия западных и восточных украинцев настолько велики, что их можно считать двумя разными народами. Согласны ли вы с этой мыслью?». Ответы в целом по Украине были следующие: «целиком согласен» — 6,4%; «скорее согласен» — 20,1%; «скорее не согласен» — 34,5%; «абсолютно не согласен» — 27,4%; «сложно ответить» — 11,6%. То есть, абсолютно или частично не согласных с тезисом о «двух разных народах» оказалось на уровне 62%, что более чем в 2 раза превышало количество тех, которые тяготели считать «восточных» и «западных» украинцев двумя разными народами. В региональном разрезе удельный вес тех, кто считал украинцев единым народом, был следующим: «восток» — 56,2%; «юг» — 58,3%; «центр» — 65,7%; «запад» — 68,4%. А из этого следовало, что представители западных областей Украины, которых в последнее время так назойливо выставляли в роли русофобов и чуть ли не зоологических националистов, на деле были наиболее открытыми к принятию культурного разнообразия современной Украины [Опитування: Деякі політики... 2014].

Однако правящей власти казалось, что вот здесь-то и найдено наиболее слабое звено, которое можно разорвать и посеять, таким образом, рознь и противостояние среди украинцев. Именно шаблонные и примитивные клише о несовместимости мировоззрения «донецких» и «львовских» были до безобразия использованы во время спровоцированного властями гражданского противостояния зимой 2013–2014 годов на Евромайдане. Политтехнологи и подведомственные им закоперщики, пытавшиеся подавить в зародыше политическое пробуждение украинского народа, унижить его гордость и «загнать в стойло» не учли того, что чувство общности исторической судьбы и гражданского единства молодой Украины давно уже перешагнуло реликты «языкового вопроса», присущего в известной степени для периода «идентичности сопротивления» первого десятилетия независимости Украины.

Замусоленная карта якобы «гонимого русского языка» оказалось битой в силу того, что новое поколение украинских миллениумов внесло в общество свежую струю толерантности к культурно-языковому своеобразию своих «Иных» граждан Украины. Так, в ходе опроса в мае 2013 года, был поставлен вопрос: «Что вы чувствуете, когда незнакомый человек обращается к вам на украинском/русском языке? Ответы были следующие: «мне это приятно» — 37,8% на украинском и 15,4% на русском; «ничего особенного не чувствую» — соответственно 59,4% и 75,6%; «мне это неприятно» — 1,2% и 5,6%; «трудно ответить» — 1,7% и 3,5%.

То есть, для свыше 90% граждан Украины «языкового вопроса» как такового не существует, и только для 1,2% неприятно, когда к нему обращаются на украинском, и для 5,5% некомфортно, когда к нему обращаются на русском. Как нам представляется, трудно найти в мире аналогичный уровень толерантности в языковом вопросе, как среди граждан Украины. На каком же основании строятся все эти пропагандистские ярлыки о «бандеровцах» и «экстремистах»? [Що ви відчуваєте... 2014].

Тенденция к снижению остроты языкового вопроса определилась уже после «оранжевой революции», когда взошли первые всходы гражданского общества Украины. Тогда в 2006–2008 годах появился такой феномен как увеличение показателя «два родных языка» за счет уменьшения показателя «один родной язык». Тогда в мае 2006 года социологами был сформулирован вопрос: «Какой язык для вас есть родной?». Ответы последовали следующие: украинский — 51,4%, русский — 30,7%, и *украинский и русский одновременно* — 15,6%, другой язык 1,1%, сложно ответить — 0,6%. Однако уже два года спустя, в октябре 2008 года, полученные результаты значительно отличались: украинский — 43,7%, русский — 26,0%, и *украинский, и русский одновременно* — 28,7%, другой язык — 0,9%, тяжело ответить — 0,7%. То есть, *только за два года количество тех, для которых оба языка — и украинский, и русский — стали одновременно восприниматься как родные, увеличилось на 13,1%*. Такая динамика, судя по всему, свидетельствовала о доминирующем тренде, который лишь набирал обороты в последующие годы [Опитування: Яка мова...2008].

Что уже говорить об активистах Евромайдана. Как свидетельствуют его участники, в течение трех месяцев на нем слышалась как русская, так и украинская речь, и далеко неизвестно чья чаще, хотя никто это и не пытался фиксировать: все были объединены одной целью — отстранить от власти криминальную клику. Но означает ли стремительная политизация текущего момента, что культурное разнообразие регионов Украины нивелируется или даже игнорируется в общественном мнении (речь, собственно, идет о нем, а не государственной политике, за неимением таковой). Вопреки всему каждый народ несет в себе громадный культурно-духовный и интеллектуальный потенциал, унаследованный от предшествующих поколений, и именно в этом культурном разнообразии и содержится неиспользованный до сих пор громадный потенциальный ресурс вхождения Украины в европейскую цивилизацию. Культурная традиция не является альтернативой гражданскому единству, а составляет его духовную сердцевину. В этом показателе динамика тренда особенно разительная — ведь речь идет о гуманитарной составной человеческого бытия, стремящейся к консервированию и тщательному отбору своего духовно-морального императива.

Итак, сравним показатели 2006 и 2007 годов (новейших исследований мы просто не нашли), когда был задан вопрос: «К какой культурной традиции вы себя относите?». Ответы были следующие: «к украинской» — 56,3% в 2006 году и, соответственно, 57,9% в 2007 г.; «к советской» — 16,4% (19,4%); «к русской» — 11,3% (10,1%); «к общеевропейской» — 6,6% (6,4%); «к другой» — 1,5% (1%); «сложно ответить» — 7,9%; (5,2% соответственно). Напрасно в этом процессе выискивать «перетягивания каната» в контексте «чья возьмет — украинская или русская традиция». Резервом для пополнения «украинской традиции», судя по всему, служит контингент так называемой «советской традиции», который чахнет с уходом старшего поколения, а новый миллениум пополняет ряды «украинской традиции». Последователи «советской традиции» в 2007 году составляли 30,8% среди контингента «60 лет и старше», и только 6,8% в составе молодежи «18–29 лет». Поэтому в старшей возрастной группе сторонников «украинской культурной традиции» было 52,4%, а среди молодежи — 65,3%. Удельный вес сторонников «русской культурной традиции» стабилизировался приблизительно на одном уровне: 9,5% среди старшей возрастной группы и, соответственно, 9,7% — среди молодежной. Однако о своей принадлежности к «общеевропейской культурной традиции» уже заявило 9,7% молодежи и лишь 2,9% людей пожилого возраста [Опитування: До якої... 2008].

Были ли основания драматизировать отмеченные тренды как таковые, что якобы несут в себе угрозу раскола общества. Абсолютно никаких! На вопрос — «Какая культурная традиция будет преобладать в Украине в будущем (через 20–25 лет)?» — респонденты ответили (первый показатель — за 2006, а второй — 2007 год): «украинская» — 35,4% и 37%; «в разных регионах будут преобладать разные культурные традиции» — 21,7% и 24,7%; «общеевропейская» — 16,1% и 17,8%; «русская» — 2,1% и 3,3%; «советская» — 1,3% и 2%; «другая» — 1,3% и 0,7%; «сложно ответить» — 22,1% и 14,6%.

Эти показатели свидетельствуют, что участники опроса не идентифицировали свою региональную (преимущественно русскоязычную) культурную традицию как «русскую». Поэтому на Юге Украины в 2007 году перспективу для «региональной культурной традиции» видели 35%, а для «русской» — 3%. Соответственно на Востоке Украины — 31,3% и 6,7%; в Центре Украины — 19,2% и 1,4%. Даже в западном регионе, который сегодня так настойчиво изображают как «бандеровский» и сплошь «экстремистский», в 2007 году верили, что будет преобладать украинская культурная традиция всего лишь 49%; что в различных регионах будут свои традиции — 14,2%; что «общеевропейская» — 22,5%; а «российская» — 0,9%. Все эти показатели зримо свидетельствовали о том, что на уровне гражданского общества, народной жизни, быта и традиций, в целом был достигнут общественный консенсус, который не давал никаких оснований для угрозы национального экстремизма [Опитування: яка культурна... 2014].

Это успокаивало и даже расслабляло. На государственном уровне эту проблематику практически вывели из поля зрения. Министерство по делам национальностей и миграции, которое в свое время заложило неплохую законодательную базу, было реформировано в Государственный комитет Украины по делам национальностей и религий, а потом, после череды реорганизаций, и тот был распущен. Проблемы национальных меньшинств вменили в обязанность малочисленному подразделению Министерства культуры Украины, которое было в состоянии разве что «сопровождать» стихийно развивающиеся процессы. Стоит ли удивляться, когда вот эта «стихия» была оседлана «казачками» — засланными и доморощенными, — которые всегда пребывали на глубокой периферии политических процессов, не набирая и необходимых 5% для победы на выборах в Верховную Раду.

После президентских выборов 2010 года к власти пришли люди, которые в лучшем случае имели представление о том, как управлять производством и получать барыши, но, как показала практика, были абсолютно несведущи в управлении социальными процессами. Как следствие — социум был взорван, связь между гражданским обществом и властью была полностью разрушена, и не нашлось необходимых институтов, которые могли бы развязать конфликт в зародыше, обуздав волну негодования. В итоге в стране обнажились три незавершенных процесса: «борьба за суверенитет, модернизация страны, формирование единой политической украинской нации» [Революційна ситуація... 2014].

Предварительные итоги

В апреле-мае 2014 года Украина сосредоточилась на президентских выборах. Введение чрезвычайного положения или другого режима, который бы поставил под сомнение результаты выборов, было бы крайне нежелательным. А потому и политика страны в отношении обеспечения единого правового поля выглядела, мягко говоря, несколько вялой и не всегда эффективной. Регионы страны как бы присматривались друг к другу в ожидании действенных встречных шагов по консолидации общества перед лицом расширения очагов военных действий и угрозы дальнейших потерь территориальной целостности страны.

Результаты выборов 25 мая 2014 года (по экзит-полу на момент подачи статьи) подвели черту под нелегкий период легитимации государственной власти Украины. Во-первых, Петр Порошенко был избран президентом с большим отрывом в первом туре голосования, что

неопровержимо свидетельствует о единстве политических устремлений гражданского общества. Во-вторых, впервые за всю историю независимой Украины новоизбранный президент победил во всех областях Украины, прервав «дурную бесконечность» традиционного раздела на «гетманов» правобережных и левобережных. В третьих, более 90% голосов было отдано за кандидатов, отстаивающих принцип унитарного государства и отвергающих любые варианты федерализации. В-четвертых, никогда еще за годы независимой Украины не ощущалось такого отсутствия любого административного давления на волю избирателей. В-пятых, был невиданный до сего дня массовый наплыв избирателей на участки (официально названная явка — более 60% избирателей — объясняется невозможностью свободного волеизъявления жителей Крыма, Донецкой и Луганской областей, а это свыше 6 млн. объективно отсутствующих людей).

То есть, новоизбранный президент получил огромный кредит доверия от общества, которое надеется, что полное уважение к демократии, правам человека и верховенству права должно быть единственным способом гарантирования украинскому народу процветания и мирного будущего. По их значимости, эти выборы можно приравнять к декабрьскому референдуму 1991 года о независимости Украины.

Их весомость важна и в плане опровержения всех тех стереотипов о якобы установлении в Украине «крайне правого режима хунты». Даже лидер Правого сектора Дмитрий Ярош, которым кое-кто пугал взрослых и детей (вспомним хотя бы появление на первом российском телеканале фейкового сообщения о 37% голосов, якобы набранных Ярошем), набрал всего лишь 0,9% голосов. С теми же результатами пришел к финишу и лидер «Свободы» Олег Тягнибок — 1,3%. О лидере коммунистов Петре Симоненко (1,1% голосов) вообще можно говорить как о реликтовой фигуре на политическом поле Украины.

Были ли эти результаты выборов неожиданными. Вряд ли. В конце декабря, с появлением Евромайдана в нашей стране, стало ясно — гражданское общество заявило о себе как о весомом субъекте в общественной жизни Украины. Параметры этого феномена были замерены социологической службой Центра Разумкова еще в период с 21 по 25 декабря 2013 года. Они засвидетельствовали о том, что подавляющее большинство жителей всех макрорегионов (от 88% на юге до 99% на западе, а по Украине в целом — 95%) воспринимают Украину как свою Родину. Более того, 84,5% респондентов считают себя патриотами Украины (в западном регионе — 94%, в центральном — 88,5%, в восточном — 81%, в южном — 72%). Большинство граждан Украины отрицательно относятся к идеям федерального уклада (отрицательное отношение выразили 61%, положительное — лишь 16%). Еще ниже уровень поддержки получили идеи отделения области (региона) от Украины и присоединения к другому государству (не поддерживают — 81%, поддерживают — 6,5%). Такое же отрицательное отношение фиксировалось при прочих вариантах: создание независимого государства на основе юго-восточных областей Украины (соответственно 80% и 6%), отделение юго-восточных областей от Украины и присоединения к России (соответственно 80% и 7,5%), образование на территории нынешней Украины двух независимых государств — 1) на основе юго-восточных областей и 2) на основе западных и центральных областей (не поддерживают такую идею 77% опрошенных, а поддерживают — 7%).

Таким образом, ставка на широкую поддержку населением Украины сепаратизма выглядела уже тогда совершенно призрачной. Согласно опросу, всего 5,5% респондентов хотели бы, чтобы их область вышла из состава Украины и присоединилась к другому государству (такое желание выражают 2,5% опрошенных в западном регионе, 0,5% — в центральном, 9% — в восточном, 13 — в южном регионе). При этом, 4,5% респондентов хотели бы, чтобы их область вышла из состава Украины и создала свое независимое государство (такое желание выражают 3% опрошенных в западном регионе, 1% — в центральном, 5% — в восточном, 13% — в южном регионе). А в целом, *61% участников опроса не считали, что между западными и восточными регионами Украины существуют настолько глубокие политиче-*

ские противоречия, языковые и культурные отличия, экономические диспропорции, что в перспективе они могут разъединиться и (или) создать свои собственные государства, или же войти в состав различных других государств [95% жителей Украины... 2014].

Таким образом, идея федерализации Украины объективно не должна была находить себе поддержки в общественном мнении страны. Наоборот — уже тогда складывался консенсус, что вопрос федерализации возникает лишь в том случае, когда у действующей власти земля уходит из-под ног. Федерализация в понимании украинцев — это перераспределение полномочий из центра в пользу губернаторов, где от их самоуправства будет страдать местные территориальные общины. Поэтому реальные проблемы сегодняшней децентрализации власти и управления, считают аналитики, не имеют ничего общего с федерализацией. Украина нуждается в системных изменениях в сторону перераспределения полномочий к местным территориальным общинам, где они могут быть максимально приближены к проблемам простого человека.

Но это пока на уровне ожиданий. На практике же в марте-мае 2014 года пришлось осуществить назначение наиболее крупных олигархов на посты губернаторов тех областей юго-востока страны, где федерализация во многом де-факто уже произошла — Игорь Коломойский (Днепропетровская область), Сергей Тарута (Донецкая область), Владимир Немировский (Одесская область) и другие. В этих регионах на практике в течение всего периода независимости Украины уже были частично созданы отдельные экономические пространства. Более того, значительная часть из этих регионов по большому счету вообще не была по-настоящему интегрирована во всеукраинский рынок, поскольку эти регионы всецело зависят от экспорта. К тому же в них было создано собственное информационное пространство: свой набор определенных каналов, образовательных, культурных и других составляющих.

Остается надеяться, что эти назначения — дело временное (кстати, после известных событий в Одессе был назначен новый губернатор — Игорь Палица). С одной стороны, в силу обстоятельств, при помощи этих назначений олигархов была осуществлена попытка хоть как-то пресечь сепаратистские тенденции. Но, с другой стороны, есть понимание того, что если децентрализация в сторону территориальных общин создает условия для малого и среднего бизнеса, то федерализация — это путь к закреплению в них позиций крупного капитала. Однако, что особенно важно в текущем моменте, это то, что многие крупнейшие бизнесмены впервые за всю историю независимости открыто выступили в защиту геополитических интересов Украины. И это вносит хоть какой-то элемент оптимизма в час, когда нерушимость границ и территориальная целостность государства поставлена под вопрос. А это та «красная черта», через которую преступать нельзя.

И, наконец, не следует забывать и международное значение этих выборов. Даже если абстрагироваться от официальных поздравлений Петра Порошенко со стороны президентов и глав правительств ведущих государств мира, то все же будет уместно процитировать слова французского ученого, публициста и гражданского деятеля Бернара-Анри Леви: «Думаю, совершенно реально — Украина не утонет. И я верю, что она не потерпит крушения. Ибо если потонет Украина — потонет и вся Европа. Наши судьбы сегодня полностью связаны» [Леви 2014: 5]. Насколько дальнейшая судьба Украины будет связана с Россией — покажет будущее. Жить нам придется все равно рядом, значит надо находить общий язык.

Однако, какую же судьбу уготовила себе сама Украина? Пока что приходится исходить из того, что идем мы в свое будущее как бы наощупь — путем проб и ошибок. Все проблемы и трагедии, с которыми столкнулась Украина на переломе 2013–2014 годов — прежде всего результат этих проб и ошибок, которые всем нам еще предстоит проанализировать и осмыслить. Однако уже сегодня следует задуматься над библейским вопросом — «*Quo vadis, Domine?*» (*Куда Ты идешь, Господи*), — который две тысячи лет назад поставил апостол Петр перед Иисусом Христом. И услышал ответ «*Я иду в Рим на второе распятие*» ... Пережив

распятие Голодомором в составе СССР, примет ли Украина судьбу второго распятия в форме государственного раскола Украины и вхождения в новое имперское пространство?

Кризис, как выбор пути, заставляет нас задуматься. Ведь с философской точки зрения фраза «Куда ты идешь?» является предложением (в форме вопроса), осмыслить, правильно ли мы живем, туда ли идем в своей жизни, верны ли наши жизненные цели и ценности.

Гальчинский А. 2006. *Глобальні трансформації*. — Либідь.

Звездный десант... 2014. Звездный десант. — *Фокус*.

Леви Б.-А. 2014 «Если потонет Украина — потонет вся Европа. Наши судьбы сегодня полностью связаны». — *Зеркало недели*.

Полищук О. 2014. Путиноборец Тарута. — *Власть денег*. — № 10–17.

Скибицкая Ю. 2014. На отдых — без россиян. — *Сегодня*.

95% жителей Украины... 2014. 95% жителей Украины считают ее Родиной — опрос. — *Новости УНИАН*. — 04.03.2014. — Доступно: <http://religions.unian.net/religionssociety/892806-95-jiteley-ukrainyi-schitayut-ee-svoeu-rodinou-opros.html>. — Проверено: 13.06.2014.

Выступление Збигнева Бжезинского... 2011 *Выступление Збигнева Бжезинского на вручении премии Токвиля*. — 02.11.2011. — Доступно: <http://injsmi.ru/usa/20111102/177005474.html>. — Проверено: 13.06.2014.

Главный олигарх Украины... 2013 *Главный олигарх Украины призвал политиков не допустить возможного раскола страны*. — 13.12.2013. — Доступно: <http://www.regnum.ru/news/1745080.html>. — Проверено: 13.06.2014.

Ежедневный журнал... 2014. *Ежедневный журнал: Медиафрениа. Демаркация*. — 2014. — Доступно: http://ej.ru/?a=note_print&id=25038. — Проверено: 13.06.2014.

Отношение украинцев... 2014. *Отношение украинцев к России радикально ухудшилось* — опрос. — 06.05.2014. — Доступно: http://news.liga.net/print/news/politics/1633262-otnoshenie_ukraintsev_k_rossii_ukhudshilos_opros.htm. — Проверено: 13.06.2014.

ИФАК: Материальные проблемы... 2011. *ИФАК: Материальные проблемы украинцев волнуют сильнее, чем россияне*. — 19.01.2011. — Доступно: <http://www.rosbalt.ru/ukraine/2011/01/19/810163.html>. — Проверено: 13.06.2014.

Кастельс М. 2000. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. — Доступно: http://www.gumer.info/bibliotek_Duks/Polit/kastels/08.php. — Проверено: 13.06.2014.

Некомпетентность правительства... 2014. *Некомпетентность правительства волнует украинцев в 1,5 раза больше, чем полгода назад*. — Доступно: <http://zn.ua/article/print/POLITICS/nekompentnost-pravitelstva>. — Проверено: 13.06.2014.

Опитування: Деякі політики... 2014. *Опитування: Деякі політики і публіцисти стверджують, що відмінності культури...* — 28.03.2014. — Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/print.php?lng=UKR&&poll_id=7198&&address=poll. — Проверено: 13.06.2014.

Опитування: До якої... 2008. *Опитування: До якої культурної традиції ви себе відносите? (динаміка 2006–2007) (регіональний, віковий розподіл за національністю)*. — 15.03.2008. — Доступно: http://rasumkov.org.ua/ukr/print.php?lng=UKR&&poll_id=6938&&address=poll. — Проверено: 13.06.2014.

Опитування: Чи є Україна... 2012. *Опитування: Чи є Україна європейською державою?* // Центр Разумкова. — 15.04.2012. — Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/print.php?lng=UKR&&poll_id=673&&address=poll. — Проверено: 13.06.2014.

Опитування: Як Ви... 2012. *Опитування: Як Ви ставитеся до наведених атрибутів незалежної української держави? (динаміка 2011–2012)*. — Центр Разумкова. — 05.08.2012. — Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=779. — Проверено: 13.06.2014.

Опитування: яка культурна... 2014. *Опитування: яка культурна традиція переважатиме в Україні в майбутньому (через 20–25 років)? (динаміка 2006–2007) (регіональний, віковий розподіли та розподіли за національністю)*. — 05.05.2014. — Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php&poll_id=700. — Проверено: 13.06.2014.

Опитування: Яка мова... 2008. *Опитування: Яка мова для вас є рідною (динаміка 2006–2008)*. — Центр Разумкова. — 19.11.2008. — Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/poll_id=290. — Проверено: 13.06.2014.

Опрос: Россияне считают... 2014. *Опрос: Россияне считают протесты на Украине государственным переворотом*. — 11.02.2014. — Доступно: <http://www.levada.ru/11-02-2014/opros-rossiane-schitaut-protesty-na-ukraine-gosudarstvennym-perevorotom>. — Проверено: 13.06.2014.

Почти 70% украинцев... 2014. Почти 70% украинцев выступают против второго государственного языка. — *Общество: деловой новостной сайт Дело Украина*. — 23.04.2014. — Доступно: <http://delo.ua/ukraine/pochti-70-ukraincev-vystupajut-protiv-vtorogo-gosudarstvennogo-j-234322/>. — Проверено: 13.06.2014.

Революційна ситуація... 2014. Революційна ситуація в Україні спричинена відсутністю ефективних інститутів. — *Центр Разумкова*. — 30.01.2014. — Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/point.php?lng=UKR&&news_id=4505&&adress=expert. — Проверено: 13.06.2014.

Статус русского языка... 2014. *Статус русского языка оказался на 31 месте среди приоритетов украинцев, НАТО — на 33-м*. — 14.06.2014. — Доступно: <http://zn.ua/article/print/SOCIETY/status-russkogo-yazyka>. — Проверено: 13.06.2014.

Так не доставайся... 2014. *Так не доставайся ж ты никому! О спекуляциях на тему разделения Украины*. — 25.01.2014. — Доступно: <http://lenta.ru/articles/2014/01/25/seperated/>. — Проверено: 13.06.2014.

Третью россиян... 2013. *Третью россиян считает соглашение Украины с ЕС предательством*. — 25.11.2013. — Доступно: <http://www.levada.ru/print/25-11-2013/tret-rossian-schitayet-soglashenie-ukrainy-s-es-predatelstvom>. — Проверено: 13.06.2014.

У Корзуна... 2014. У Корзуна — Андрей Илларионов. — *Украина в поисках идентичности*. — 21.01.2014. — Доступно: <http://marina-herriott.livejournal.com/523173.html>. — Проверено: 13.06.2014.

Що ви відчуваєте... 2014. Що ви відчуваєте, коли незнайома людина звертається до вас українською/російською мовою? — *Центр Разумкова*. — 2014. — Доступно: <http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll-id=896>. — Проверено: 13.06.2014.

Яковенко И. 2005. Украина и Россия: сюжеты соотнесенности. — *Вестник Европы*. — № 16. — Доступно: <http://magazines/russ/ru/vestnik/2005/16/ia5-pr.html>. — Проверено: 13.06.2014.